Елена Масловская, Михаил Масловский

Концепция юридического поля и современная социология права

В статье рассматриваются теоретические источники и контекст формирования концепции юридического поля П. Бурдье. Подчеркивается влияние на данную концепцию классических традиций западной социологии права, представленных Э. Дюркгеймом и М. Вебером. Авторы реконструируют эволюцию французской социологии права во второй половине XX века. Представлен анализ структуры юридического поля в работах Бурдье, выявлены особенности юридического капитала и профессиональных практик агентов юридического поля. В статье отмечается воздействие идей Бурдье на современную социологию права во Франции и других странах, выделяются причины, препятствовавшие рецепции социологии Бурдье в «социально-правовых исследованиях», а также прослеживаются различия в подходах Бурдье и сторонников «критических правовых исследований» к изучению юридической профессии. Авторами проведено сопоставление концепции Бурдье и ведущих теоретических направлений современной социологии права.

Ключевые слова: социология права, юридическая профессия, постструктурализм, П. Бурдье, юридическое поле.

Elena Maslovskaya, Mikhail Maslovskii
The theory of juridical field and contemporary sociology of law

In the article the theoretical sources and context of the formation of Pierre Bourdieu's theory of juridical field are considered. The influence of classical

---

Масловская Елена Витальевна — доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН. Научные интересы: социология права, социология профессий, история социологии. E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, профессор департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. Научные интересы: современные социологические теории, социология культуры, политическая социология. E-mail: maslovski@mail.ru

Maslovskaya Elena V. — Doctor of Sociology, docent, senior researcher of Sociological Institute of Russian Academy of Sciences. Research interests: sociology of law, sociology of professions, history of sociology. E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

Maslovskii Mikhail V. — Doctor of Sociology, professor, senior researcher of Sociological Institute of Russian Academy of Sciences and professor of Department of Politics, National Research University Higher School of Economics — St.-Petersburg. Research interests: contemporary sociological theories, sociology of culture, political sociology. E-mail: maslovski@mail.ru

traditions of western sociology of law represented by the works of Durkheim and Weber is discussed. The article characterizes the development of French sociology of law in the second half of the 20th century. The authors consider Bourdieu's analysis of the structure of juridical field, the peculiarities of juridical capital and practices of different agents of juridical field. The influence of Bourdieu's ideas on contemporary sociology of law in France and other countries is evaluated in the article. The obstacles to reception of Bourdieu's ideas in «socio-legal studies» are considered. Differences between Bourdieu and the followers of «critical legal studies» in their approaches to legal profession are discussed. Bourdieu's theory is compared with the leading theoretical perspectives in today's sociology of law.

Key words: sociology of law, legal profession, post-structuralism, Pierre Bourdieu, juridical field

Интеграция российской социологии права в мировую науку предполагает критическое осмысление достижений зарубежной социолого-правовой теории. Между тем в отечественной литературе не уделялось должного внимания развитию западной социологии права с 1980-х годов до настоящего времени. Недооцененными остаются возможности применения теоретических моделей социологии права для исследований российских правовых институтов. В отечественной науке сохраняется противоречие между необходимостью концептуализации права с позиций социологии и недостаточной разработанностью соответствующих теоретико-методологических оснований. В связи с этим представляется необходимым обращение к получившим широкое признание социолого-правовым концепциям, сформулированным ведущими теоретиками мировой социологии. Одной из таких концепций выступает разработанная П. Бурдье теоретическая модель юридического поля.

В работах отечественных исследователей указывалось, что общая теория полей Бурдье применима к анализу российских реалий [Качанов, 1995]. Практически одновременно с выходом русского перевода статьи Бурдье «Власть права: основы социологии юридического поля» представленная в ней концепция была рассмотрена в общем контексте развития социологии права в XX веке [Масловская, Масловский, 2005b]. Отдельные положения социологии Бурдье применялись в исследованиях российских правовых институтов. Например, профессиональная деятельность адвокатов характеризовалась на основе теории форм капитала Бурдье [Корнеева, 2005], но при этом не упоминалась его концепция юридического поля. Тем не менее, данная концепция может быть успешно использована для изучения динамики правовых институтов советского общества [Масловская, 2014] и различных сегментов юридического поля, сло-

жившегося в современной России [Масловская, 2012]. В настоящей статье концепция юридического поля рассматривается в контексте развития французской и мировой социологии права.

Классические традиции социологии права и теоретический контекст формирования концепции юридического поля

Теоретические основы социологии права были заложены в трудах Э. Дюркгейма и М. Вебера. Оба классика осуществили сравнительно-исторический анализ эволюции права как социального института. Однако подходы этих социологов к изучению правовой сферы существенно различаются, что обусловлено особенностями их теоретических позиций. Как указывает В. Шлюхтер, Дюркгейм выделял право в качестве ключевой сферы общественной жизни, тогда как для Вебера оно выступало лишь одной из таких сфер, не являющейся более значимой по сравнению с другими. Согласно Дюркгейму, существовало соответствие между развитием права и социальным развитием в целом, тогда как Вебер рассматривал эволюцию права как относительно автономный процесс, обладающий собственной внутренней логикой [Schluchter, 2003, p. 547].

Предложенный Дюркгеймом подход к анализу правовых явлений подробно обсуждался в западной социологии. Вместе с тем, как полагает М. Дефлем, внимание большинства исследователей к социологии права Дюркгейма было весьма избирательным. В первую очередь для анализа выделялась его книга «О разделении общественного труда», но обычно игнорировались другие работы французского социолога, в которых затрагивалась правовая проблематика [Deflem, 2008, p. 70]. Однако в целом идеи Дюркгейма оказали стимулирующее воздействие на изучение правовых явлений с позиций социологии. По мнению Р. Коттерела, «взгляды Дюркгейма на правовое развитие и соотношение форм права и форм социальной солидарности заключают в себе немало проблем и упрощений, но его работы задают ориентиры для современного анализа характера и функций права» [Cotterrell, 2001, p. 301].

Проблемам социологии права отведено значительное место в работах М. Вебера. В целом ряде своих социологических трудов он обращался к правовым вопросам, ссылаясь на ведущих теоретиков права своего времени. Как подчеркивают в этой связи С. Тернер и Р. Фактор, юридическое образование и соответствующий стиль мышления наложили свой отпечаток на всю веберовскую социологическую теорию [Turner, Factor, 1994]. Вебер анализирует процесс рационализации права, который получил наиболее последователь-

ное развитие на Западе. Кроме того, он сопоставляет современное западное право с правовыми системами, сложившимися в других обществах. Вебер уделяет особое внимание исследованию взаимоотношения права и других сфер общественной жизни, в том числе экономики и политики. В зарубежной социологической и юридической литературе неоднократно предпринимались попытки современного прочтения веберовской социально-правовой теории, которые анализировались и в российской социологии [Масловская, Масловский, 2005а].

В настоящее время Дюргейм и Вебер расцениваются как создатели двух ведущих традиций в социологии права. В рамках дюркгеймовской традиции изучаются, прежде всего, интегративная функция права в обществе и процесс социальной дифференциации, в результате которого право становится относительно автономной сферой общественной жизни. Последователи веберовской традиции сосредотачивают внимание на процессе рационализации права. В большинстве современных концепций социологии права в той или иной степени представлены данные теоретические традиции. Это в полной мере относится и к концепции юридического поля П. Бурдье.

Концепция юридического поля формировалась в общем контексте развития французской социологии второй половины XX века. Хотя школа Дюркгейма занимала ведущие позиции во французской академической социологии до Второй мировой войны, в дальнейшем она уступила место другим теоретическим подходам. По мнению современных французских ученых, заслуга Дюркгейма и его последователей состоит в том, что они содействовали институционализации социологии, которая «ускорила признание социологии права в качестве особой исследовательской сферы» [Noreau, Arnaud, 1998, p. 258].

Во французской социологии права не существовало доминирующего теоретического направления и постоянно конкурировали несколько различных парадигм. При этом существенное воздействие на развитие гуманитарных и социальных наук во Франции оказал структурализм. Как полагает Ж. Карбонье, именно структурализм способствовал обновлению «методов и понятий юридической социологии» [Карбонье, 1986, с. 128]. После 1968 г. возросла популярность марксистской и неомарксистской социологии права. В дальнейшем усилилось влияние идей М. Вебера на изучение правовой сферы. При этом рецепция веберовской и дюркгеймовской теорий определялась противостоянием подходов Р. Арона, опиравшегося на идеи Вебера, и Ж. Гурвича, следовавшего по стопам Дюркгейма [Garcia Villegas, 2004, p. 71]. Однако в целом французская социология

права была ближе к веберовской, чем к дюркгеймовской традиции [Noreau, Arnaud, 1998, p. 279].

Французскую социологию права отличает ряд особенностей. П. Норо и А.-Ж. Арно указывают на недостаток внимания со стороны исследователей к таким направлениям, как правовой плюрализм и системная теория. Кроме того, существует определенный разрыв между французской и англо-американской социологией права. Большинство французских ученых, работающих в данной сфере, лишь в редких случаях ссылаются на исследования англоязычных коллег и традиционно уделяют больше внимания теоретическим проблемам.

При этом П. Норо и А.-Ж. Арно подчеркивают существенные различия в подходах французских социологов и юристов к анализу правовых явлений. Это находит институциональное выражение в противостоянии между Национальным центром научных исследований (CNRS) и юридическими факультетами. В рамках центра объединены большинство ведущих представителей социологии права, тогда как университетские факультеты находятся в основном под контролем юристов, которые обычно рассматривают социологию права как исключительно прикладную дисциплину. Исторически сложилось, что французские социологи права часто придерживаются левых взглядов, а юристы, как правило, занимают консервативные позиции. В результате этого расхождения усиливаются [Ibid, p. 280–281].

Конечно, подобная ситуация не является исключительно французской особенностью. Во многих европейских странах дискурсивные различия, несходство социальных позиций, виды социализации, типы карьеры также разделяют социологическое и юридическое сообщества. Однако во Франции такие различия оказываются особенно выражены, что отчасти обусловлено ведущей ролью профессоров права и законодателей в процессе формирования автономной правовой системы. Данное обстоятельство повысило значение символического капитала агентов юридического поля, обладающих монополией толкования норм права и в значительной степени связанных с доминирующими группами. Одним из следствий такой ситуации стало усиление коммуникативного барьера между социологами и юристами. Этот контекст следует учитывать, поскольку наибольшее значение для развития социологии права во Франции в 1990–2000-е годы имели труды ведущих представителей постструктурализма: М. Фуко и П. Бурдье.

Фуко отчасти продолжил веберовскую традицию анализа процессов рационализации, но в отличие от Вебера он рассматривал рационализацию не правовой доктрины и судебной процедуры, а механизмов социального контроля. В работах Фуко содержится

немало указаний, как исследовать социальные практики, к которым неизменно проявляют интерес представители юридического поля. Однако вполне закономерно, что юристы стремились дистанцироваться от Фуко, коль скоро он отвергал правовые нормы и моральные принципы как инструменты сохранения социального порядка, подчеркивая лишь значение принуждения на микроуровне в обеспечении социальной стабильности.

Бурдье стремился объединить структуралистский подход и интерпретативную социологию. Взаимодействие Бурдье с дюркгеймовской и веберовской социологическими традициями рассматривается в работах ряда исследователей [Wacquant, 2013; Bourdieu, Schultheis, Pfeuffer, 2013]. Бурдье, как и Вебера, отличает «агонистическое видение общества: в социальной реальности происходит нескончаемая и беспощадная конкуренция, в ходе которой возникают различия, придающие содержание общественной жизни» [Wacquant, 1998, p. 218]. В своей социологии права Бурдье также в значительной мере продолжает веберовскую традицию.

Обращение Бурдье к социолого-правовой тематике способствовало легитимации дисциплины в академическом поле. В 1991 г. Бурдье был приглашен в качестве основного докладчика на совместную конференцию Ассоциации «Право и общество» и Исследовательского комитета по социологии права Международной социологической ассоциации (ISA). Отметим также, что помимо программной статьи «Власть права: основы социологии юридического поля» Бурдье обращался к социолого-правовой проблематике в других работах, посвященных исследованию генезиса государства.

Анализ структуры юридического поля в работах П. Бурдье

Бурдье рассматривает формирование юридического поля в широком социальном контексте. Социолог не ограничивается современным состоянием юридического поля, но прослеживает процесс его исторического развития. Рассматривая эволюцию институтов государственной власти на примере стран Западной Европы, Бурдье отмечает, что государство «претендует на монополию легитимного использования физического и символического насилия на определенной территории» [Бурдье, 1999, с. 133–134]. Согласно Бурдье, государство сосредотачивает в своих руках средства физического принуждения, экономический, культурный, символический капитал. «Концентрация вооруженных сил и финансовых ресурсов, необходимых для их содержания, сопровождается концентрацией символического капитала признания, легитимности» [Там же, с. 139]. Поскольку символическая власть не может осуществляться

без согласия тех, кто ей подчинен, одной из важнейших задач деятельности юристов выступает обеспечение такого согласия.

Характеризуя юридическое поле, Бурдье подвергает критике два противоположных подхода к его анализу: формализм и инструментализм. Первый из этих подходов представлен главным образом в юридической литературе. С точки зрения формализма право является закрытой автономной системой, обладающей собственной внутренней динамикой и полностью свободной от внешних воздействий. Такая позиция получила наиболее последовательное выражение в правовой теории Г. Кельзена. Системную теорию Н. Лумана Бурдье также считает разновидностью формализма. В рамках инструменталистского подхода право рассматривается как орудие господства правящего класса, хотя и допускается относительная автономия правовых институтов. Такую точку зрения высказывали последователи марксизма, в частности Л. Альтюссер. Как полагал Бурдье, понятие юридического поля позволяет преодолеть противоположность формалистского и инструменталистского подходов.

На функционирование юридического поля влияют, по мнению Бурдье, два основных фактора: отношения власти, определяющие структуру такого поля, и внутренняя логика развития права. «Юридические практики и дискурс в действительности являются продуктами функционирования поля, чья специфическая логика двояко детерминирована: с одной стороны, особой расстановкой сил, определяющей его структуру и задающей направление конкурентной борьбе или, точнее говоря, конфликту компетенций, которые в нем имеют место; и, с другой стороны, внутренней логикой юридических текстов, очерчивающих в каждый отдельный момент времени пространство возможного и тем самым — универсум собственно правовых решений» [Бурдье, 2005, с. 77].

Бурдье выделяет юридический капитал как особую разновидность символического капитала, его объективированную, кодифицированную форму, подчеркивая, что процесс концентрации юридического капитала следует собственной логике. Результатом такой концентрации является становление относительно автономного поля, в рамках которого организуется и иерархизируется юридический корпус как чиновничье сословие. Взаимосвязь формирования сословия юристов и юридико-административных структур, являющихся составными частями государства, исследовалась еще в работах М. Вебера. Бурдье сосредотачивает внимание на совокупности объективных отношений, возникающих между юридическим полем и полем власти, а через него — всем социальным полем, поскольку именно внутри этого универсума отношений определяются средства, цели и специфические следствия юридической деятельности [Там же, с. 108]. Критическому анализу Бурдье подвер-

гает стратегии юристов, принимающих за абсолютную норму своей практики «пакт о ненападении», заключаемый между юристами и государством, который и служит скрытым основанием юридической профессии.

Профессия, интегрированная в иерархическую структуру и сплоченная консенсусом относительно своего предназначения, является внутренне дифференцированной. Согласно Бурдье, юридическое поле представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между агентами, обладающими профессиональной компетентностью, которая заключается в общественно признанной способности интерпретировать свод текстов, закрепляющих легитимное видение социального мира. Бурдье подчеркивает: «юридический текст, подобно религиозному, философскому или литературному, оказывается ставкой в борьбе по причине того, что толкование является одним из способов присвоения потенциально содержащейся в нем символической власти» [Там же, с. 80]. Однако при этом существуют объективные ограничения, которые накладываются на соперничество между интерпретаторами юридических текстов. Такие ограничения связаны с тем, что судебные решения должны представать как единственно верный результат правильной интерпретации текстов, обладающих бесспорной легитимностью.

Конкуренция между обладателями различных видов юридического капитала, вкладывающими в свои толкования разные интересы и мировоззрения, помогает обосновать социальный разрыв между профессионалами и профанами и способствует постоянному увеличению расхождений между ними. Кроме того, она создает видимость абсолютной независимости системы юридических норм от соотношения сил, которые она санкционирует и узаконивает. Тем не менее организация разделения труда символического доминирования предполагает не только соперничество между интерпретаторами, но и функциональную динамическую комплементарность. Принцип функциональной динамической комплементарности является базовым в процессе конструирования и поддержания юристами публичного образа единой группы специалистов, разделяющих общие ценности и убеждения. Юридическая работа, заключающаяся в универсализации представлений о норме, по отношению к которым все другие практики будут казаться девиантными, способствует внушению профанам основ профессиональной идеологии, т. е. веры в нейтральность и автономию права.

В рамках юридического поля складывается специфическое разделение труда. Прежде всего существует различие между «теоретиками», занятыми исключительно разработкой правовой доктрины,

и «практиками», ориентированными на непосредственное применение правовых норм. К первой группе относятся, в частности, профессора юридических факультетов, а ко второй — судьи, которые в определенных случаях участвуют в правотворчестве. Представители этих двух групп должны учитывать точку зрения других категорий юристов, действующих в интересах своих клиентов. В итоге «практическое значение закона в действительности не может определяться иначе, чем в конфронтации между различными корпусами, движимыми специфическими разнонаправленными интересами (судейским, адвокатским, нотариальным и т. д.), которые также поделены на группы, преследующие подчас противоположные интересы в зависимости от своего положения в профессиональной иерархии, находящегося в прямом соответствии с положением их клиентуры в социальной иерархии» [Там же, с. 84]. Соотношение сил между профессионалами, участвующими в судебном процессе, в значительной степени соответствует соотношению сил между их клиентами.

По мнению Бурдье, формирование юридического поля с необходимостью предполагает установление границы между носителями юридического капитала и непрофессионалами. Последние могут выступать лишь клиентами специалистов, обладающих необходимой компетентностью, которая позволяет установить монополию профессионалов на производство и коммерциализацию той особой категории товаров, какой являются юридические услуги. Бурдье указывает, что «судебные инстанции стремятся вырабатывать целые специфические традиции и, в частности, категории восприятия и оценки, никак не сводимые к категориям неспециалистов, порождая свои проблемы и свои решения согласно логике, полностью герметичной и недоступной для профанов» [Там же, с. 99].

Практики агентов юридического поля формируются на основе сходного опыта, приобретенного в ходе обучения праву и профессиональной деятельности. Бурдье использует понятие юридического габитуса для обозначения одинаковых диспозиций агентов, структурирующих их восприятие и оценку конфликтов, которые должны быть преобразованы в юридические прения. С точки зрения Бурдье, постоянство и однородность юридических габитусов лежат в основе той предсказуемости и просчитываемости, которую Вебер приписывал рациональному праву.

Компетентность как специфическая власть профессионалов позволяет контролировать доступ в юридическое поле, переопределяя социальную реальность, конструируя конфликты, предлагая оценку шансов на успех и последствий выбора той или иной тактики поведения. Специфическая власть профессионалов заключается в способности «манипулировать юридическими нуждами, создавая их в некоторых случаях, усиливая, либо сводя на нет — в других».

При конструировании конфликтов ими движут специфические интересы как представителей юридической профессии, финансовые интересы, но также их этические или политические диспозиции, т. е. «принцип социальной близости с клиентами» [Там же, с. 98].

Процесс развития юридического поля происходит в условиях конфликта между стремлением к расширению рынка юридических услуг и увеличением его автономии, т. е. разрыва между профанами и профессионалами. Как отмечает Бурдье, усилия по увеличению спроса на юридические услуги осуществляются по самым разным направлениям — от рекламы до правозащитных организаций и включения в юридическую систему областей практики, ранее входивших в сферу компетенции доюридических форм разрешения конфликтов. Жертвами этого процесса стали и примирительные конфликтные комиссии, и третейские суды, и комиссии по разрешению трудовых споров [Там же, с. 100–102]. Результатом является смещение границ между профанами и профессионалами. С одной стороны, в среде профессионалов, подчиняющихся логике конкуренции внутри поля, происходит усиление наукообразности с целью сохранения монополии на легитимную интерпретацию законов. С другой стороны, в среде профанов возрастает стремление все чаще основываться на юридических аргументах и пользоваться услугами если и не адвокатов, то полупрофессиональных посредников. Последние в свою очередь также озабочены приданием своим выступлениям большей техничности, авторитетности и подчеркиванием нейтральности своей позиции.

Хотя Бурдье обращается главным образом к примеру французской правовой системы, его концепция вполне применима для изучения правовых институтов в других странах.. В частности, он рассматривает формирование юридического поля в европейских странах с абсолютной монархией. Кроме того, он проводит сравнительный анализ англо-американской и европейской правовых систем. Согласно Бурдье, во Франции сфера юридического действия ограничена тем влиянием, которое оказывает на правовую сферу государственная бюрократия. В США юристы, окончившие престижные факультеты права, распространяют влияние юридического поля в политической и экономической сферах. С точки зрения ученого, этим объясняются различия в социальном использовании права в указанных странах.

Концепция юридического поля и современные направления социологии права

Социологическая теория Бурдье неизменно рассматривается как одна из ведущих парадигм современной французской социологии. Вместе с тем анализ правовой сферы, осуществленный Бурдье,

не сразу получил широкое признание за пределами Франции. Хотя его работа «Власть права: основы социологии юридического поля», опубликованная в 1986 г., уже в следующем году была переведена на английский язык [Bourdieu, 1987], она не сразу вызвала интерес в англо-американской социологии. Однако уже на рубеже 1990-х и 2000-х годов концепция юридического поля в англоязычной литературе расценивалась в как одно из основных теоретических направлений в современной социологии права [Anleu, 2000, p. 54–56]. К середине 2000-х годов нередко говорилось о повороте к постструктурализму в изучении юридической профессии [Marshall, 2004].

Новейшие эмпирические исследования юридической профессии, в частности, в британской социологии, нередко ориентируются на концепцию Бурдье [Sommerlad, 2007; Francis, 2011]. С позиций данной концепции демонстрируется, что практики агентов юридического поля формируются на основе сходного опыта, приобретенного в ходе обучения праву и профессиональной деятельности. Понятие юридического габитуса используется для обозначения одинаковых диспозиций агентов, структурирующих их восприятие и оценку конфликтов, которые должны быть преобразованы в юридические прения. Британские социологи подчеркивали усложнение структуры юридического поля и сопутствующие этому изменения профессиональной идентичности юристов.

Вместе с тем в исследовании формирования и современных тенденций развития социологии права, осуществленном М. Дефлемом, упоминается лишь общесоциологическая теория Бурдье [Deflem, 2008, p. 273], но его концепция юридического поля не рассматривается. Как отмечают И. Дезале и М. Мадсен, хотя английский перевод статьи Бурдье «Власть права: основы социологии юридического поля» многократно цитировался, большинство ссылок носило «демонстративный» характер. Подход Бурдье к анализу правовой сферы в действительности использовался в эмпирических исследованиях далеко не так часто [Dezalay, Madsen, 2012, p. 434].

Недостаточное внимание к концепции Бурдье со стороны представителей «социально-правовых исследований» обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, существуют глубокие структурные различия между пониманием права, государства и общества в «социально-правовых исследованиях», получивших распространение в Великобритании, и социологии Бурдье. Концепция юридического поля укоренена в континентальной модели права, существенно отличающейся от англо-американской правовой традиции. Отсюда следует, что применение подхода Бурдье требует переоценки генезиса государства, права и юридической профессии в различных культурных контекстах. Во-вторых, работа Бурдье «Власть права: основы социологии юридического поля», как правило, рассматрива-

лась изолированно, в отрыве от других трудов французского социолога, и не соотносилась с его проектом рефлексивной социологии [Ibid, p. 434–435].

Однако упомянутая работа не исчерпывает его подход к социолого-правовой проблематике. В рамках более широкого подхода, представленного в трудах этого социолога, право интерпретируется как исторический и социальный конструкт, создаваемый агентами юридического поля в ходе конкуренции с представителями других полей. Кроме того, право выступает как дискурс власти, который вносит вклад в укрепление ее легитимности. В результате Бурдье обращается «к проблемам, связанным с властью права, юристами и правовой культурой, которые рассматриваются в ряде его эмпирических исследований широких сфер общественной жизни» [Ibid, p. 435].

С точки зрения концепции Бурдье, социологическое исследование права, которое чрезмерно сближается с правовой доктриной, рискует попасть под влияние юридического дискурса. Любое претендующее на статус социологического исследование, не заботящееся о необходимости конструирования собственного объекта изучения, рискует попасть в ловушку предсконструированной репрезентации юридической работы и юридической профессии. Бурдье считал это одной из самых значительных проблем социологии права.

В условиях монополии юристов и преобладания юридических подходов к анализу правовой сферы социология права оказывается ограниченной главным образом двумя направлениями исследований: социологией юридической профессии и изучением доступа к праву представителей подчиненных и исключенных социальных групп [Ibid, p. 436]. Но хотя Бурдье также обращается к этим двум направлениям, его подход отличается, в частности, от «критических правовых исследований».

Следует отметить, что «критические правовые исследования» (critical legal studies) получают распространение в США с конца 1970-х годов среди представителей различных научных дисциплин, прежде всего правоведения и криминологии. Критика либеральной доктрины права с их стороны не сопровождалась созданием собственной целостной теории права. Появление «критических исследований» в американских школах права явилось следствием меняющихся требований к юридической профессии, т. е. к условиям сохранения профессиональной автономии и монополии на осуществление юридических услуг [Anleu, 2000, p. 63–66; Deflem, 2008, p. 191–194].

Эмпирические исследования в рамках данного подхода были направлены главным образом на выявление той роли, которую играют представители юридической профессии в сохранении и воспро-

изводстве правового порядка. При этом особое внимание уделялось анализу идеологических функций права в современном обществе. Традиционное правоведение в основном игнорировало особенности права как идеологии, языка, текста и нарратива. Однако именно эти аспекты выделялись с позиций указанного подхода, что достигалось ценой разрушения барьеров, которые ранее отделяли правоведение от других дисциплин.

По мнению Л. Вакана, социология Бурдье является критической, с одной стороны, по отношению к общепринятым понятиям и образу мысли. С другой стороны — по отношению к существующим формам власти и привилегий. «Такая критика основывается на объяснении тех многообразных процессов, посредством которых социальный порядок маскирует свой произвольный характер и увековечивает себя, добиваясь от подчиненных принятия существующих иерархий» [Wacquant, 1998, p. 217]. В своих работах Бурдье, как и сторонники «критических правовых исследований», нередко разоблачает сложившиеся в обществе мифы, выявляя факты, которые опровергают официальную точку зрения.

Но в отличие от представителей критических правовых исследований Бурдье остается в рамках социологического анализа юридического поля. Это наглядно проявляется, в частности, в его подходе к изучению юридической профессии. Характерно, что Бурдье ставит под сомнение само понятие профессии. Он отмечает, что «профессия» представляет собой «обыденное понятие, которое незаконно проникло в научный язык, привнеся в него тем самым все социальное бессознательное. Это понятие — социальный продукт исторической деятельности по конструированию групп и репрезентации групп, которое исподтишка вводится в науку самой этой группой. Вот почему это „понятие“ работает так хорошо или, в некотором смысле, даже слишком хорошо: если вы принимаете его для конструирования своего объекта, то получаете и находящиеся под рукой рекомендации, составленные списки и биографии, собранные библиографии, центры информации и базы данных, уже сделанные «профессиональными» организациями, и при условии, что вы будете проницательными, у вас будут средства, чтобы изучать его (как это очень часто происходит, к примеру, в случае с юристами). Категория профессии имеет отношение к реальностям, которые в известном отношении «слишком реальны», чтобы быть подлинными, поскольку она сразу схватывает и ментальную, и социальную категории как социальный продукт, созданный в процессе вытеснения и ликвидации всех видов экономических, социальных и этнических различий, которые составляют «профессию» юриста, к примеру — пространство конкуренции и борьбы» [Бурдье, 2002].

В данном случае проблема заключается в широко распространенном некритичном принятии «обыденного понятия» в качестве объекта исследования. Бурдье стремится изучать процессы формирования определенных социальных групп. Он считает необходимым внимательно отнестись к процессу агрегации и символического наложения, которые были необходимы для создания понятия профессии и исследовать его как структурированное пространство социальных сил и социальной борьбы. В отношении юридической профессии такое изучение предполагает постановку вопроса о возникновении права и юристов как профессиональной группы. Бурдье выделяет автономный в научном отношении объект исследования, чему и служит предложенное им понятие юридического поля.

Концепция юридического поля Бурдье нередко сопоставлялась с другими теоретическими направлениями, сложившимися в 1980-е годы в социологии права, в частности, с системным подходом Н. Лумана [Anleu, 2000, p. 54]. Хотя оба теоретика рассматривали право как относительно автономную сферу социальной жизни, Бурдье не принимает лумановский взгляд на право как форму коммуникации.. В целом концепция юридического поля является более гибкой по сравнению с системной теорией права. Бурдье уделяет существенное внимание анализу реальных социальных отношений и практик, возникающих в юридическом поле. При этом он рассматривает разделение труда, конкуренцию между представителями юридической профессии, а также существующие в данном поле отношения власти, чего нет в работах Лумана, посвященных праву как аутопойетической системе [Luhmann, 2004]. С точки зрения Бурдье, интересы действующих индивидов не определяются исключительно системными требованиями, что подразумевает логика лумановской теории.

В настоящее время наибольшим влиянием в западной социологии права пользуются, с одной стороны, системная теория, а с другой — различные версии критической теории. Термин «критическая теория», ранее использовавшийся применительно к неомарксизму Франкфуртской школы, в настоящее время получает более широкую трактовку [Фурс, 2002, с. 3]. Целый ряд теоретиков, не являющихся последователями неомарксизма, нередко характеризуются как представители критической теории. К данному направлению традиционно относят Ю. Хабермаса. В то же время в работах М. Фуко представлен собственный вариант критической теории, отличный от неомарксистского подхода. Идеи М. Фуко и Ю. Хабермаса оказали воздействие на некоторые новейшие исследования в области социологии права. При этом для Хабермаса в особенности характерна ориентация на теоретический синтез

различных направлений социологии и философии. Вместе с тем следует учитывать, что Фуко наибольшее внимание уделил исследованию механизмов дисциплинарной власти, тогда как Хабермас осуществил скорее философский анализ правовой системы демократического общества.

Концепции Фуко и Бурдье объединяет критическая позиция по отношению к общепринятым формам знания и власти. Однако можно выделить и аналитически значимые различия между данными концепциями. Фуко осуществил междисциплинарный анализ правовой сферы, тогда как Бурдье разработал собственно социологическую концепцию юридического поля. Если Фуко полностью отрицает автономию правовой сферы, то Бурдье признает ее относительный характер. При этом концепция Бурдье позволяет в большей степени учитывать интересы действующих индивидов и стратегии, используемые ими в рамках юридического поля.

Заключение

Концепция юридического поля Бурдье формировалась в общем контексте эволюции французской социологии права второй половины XX века, основными особенностями которой являлись конкуренция между различными парадигмами и сохраняющийся разрыв между социологическими и юридическими подходами. В трудах Бурдье право предстает как исторический и социальный конструкт, создаваемый агентами юридического поля в процессе взаимодействия с представителями других полей. Особое внимание французский социолог уделяет раскрытию права как дискурса власти, вносящего вклад в укрепление ее легитимности. Своеобразие его подхода заключается в анализе генезиса и эволюции права и юристов как профессиональной группы. Концепция юридического поля оказала значительное влияние на развитие социологи права во Франции в 1980–1990-е годы, а в дальнейшем она получила признание и в других странах. Данная концепция применима и для изучения правовых институтов российского общества.

Библиография

Бурдье П. (1999) Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. *Поэтика и политика (сборник статей)*, СПб: Алетейя: 125–166.

Бурдье П. (2002) *Опыт рефлексивной социологии* (http://bourdieu.name/bourdieu-opit-refleksivnoi-sociologii)

Бурдье П. (2005) *Социальное пространство: поля и практики*, СПб.: Алетейя.

Карбонье Ж. (1986) *Юридическая социология*, М.: Прогресс.

Качанов Ю. Л. (1995) *Политическая топология: структурирование политической действительности*, М.: Ad Marginem.

Корнеева А. Е. (2005) Формы капитала в профессиональной деятельности адвокатов. П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова (ред.). *Антропология профессий: Сб. науч. статей*, Саратов: Научная книга: 163–187.

Масловская Е. В. (2012) Проблема институционализации суда присяжных в постсоветской России. В. В. Волков (ред.). *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*, М.: Статут: 177–198.

Масловская Е. В. (2014) Социолого-правовой анализ динамики правовых институтов советского общества. И. И. Елисеева (ред.). *Петербургская социология сегодня-2013: Сборник научных трудов Социологического института РАН*, СПб: Нестор-История: 244–268.

Масловская Е. В., Масловский М. В. (2005a) Современное прочтение социологии права Макса Вебера. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (3): 47–58.

Масловская Е. В., Масловский М. В. (2005b) Социологические теории права. *Социологический журнал*, (1): 5–20.

Фурс В. Н. (2002) *Контуры современной критической теории*, Минск: ЕГУ.

Anleu S. (2000) *Law and Social Change*, London: Sage.

Bourdieu P. (1987) The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field. *The Hastings Law Journal*, 38 (4): 814–853.

Bourdieu P., Schultheis F., Pfeuffer A. (2013) With Weber against Weber: In conversation with Pierre Bourdieu. S. Sussen, B. Turner (eds) *The legacy of Pierre Bourdieu: Critical essays*, London: Anthem Press: 111–124.

Cotterrell R. (2001) Durkheim on legal development and social solidarity. R. Cotterrell (ed.) *Sociological perspectives on law. Vol. 1*, Aldershot: Ashgate: 291–302.

Deflem M. (2008) *Sociology of law: Visions of a scholarly tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.

Dezalay Y., Madsen M. (2012) The Force of Law and Lawyers: Pierre Bourdieu and Reflexive Sociology of Law. *The Annual Review of Law and Social Science*, 8: 433–452.

Francis A. (2011) *At the edge of law: Emergent and divergent models of legal professionalism*, Farnham: Ashgate.

Garcia Villegas M. (2004) On Pierre Bourdieu's legal thought. *Droit et société*, 1: 57–70.

Luhmann N. (2004) *Law as a Social System*. Oxford: Oxford University Press.

Marshall J. (2004) A shift to a post-structuralist analysis of the legal profession. *International Journal of the Legal Profession*, 11 (1/2): 21–31.

Noreau P., Arnaud A.-J. (1998) The sociology of law in France: Trends and paradigms. *Journal of Law and Society*, 25 (2): 257–283.

Schluchter W. (2003) The sociology of law as an empirical theory of validity. *European Sociological Review*, 19 (5): 537–549.

Sommerlad H. (2007) Researching and theorizing the processes of professional identity formation. *Journal of Law and Society*, 34 (2): 190–217.

Turner S., Factor R. (1994) *Max Weber: The lawyer as social thinker*, London: Routledge.

Wacquant L. (1998) Pierre Bourdieu. R. Stones (ed.) *Key sociological thinkers*, London: Macmillan: 205–229.

Wacquant L. (2013) Durkheim and Bourdieu: The common plinth and its cracks. S. Sussen, B. Turner (eds.) *The Legacy of Pierre Bourdieu: Critical essays*, London: Anthem Press: 91–110.

References

Bourdieu P. (1999) Dukh gosudarstva: genesis i struktura byurokraticheskogo polya. *Poetika i politika* [Spirit of the state: genesis and structure of the juridical field. Poetics and politics], St.-Petersburg: Aleteya.: 125–166.

Bourdieu P. (2002) *Opyt refleksivnoi sotsiologii* [Outline of reflexive sociology] (http://bourdieu.name/bourdieu-opit-refleksivnoi-sociologii)

Bourdieu P. (2005) Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices], St.-Petersburg: Aleteya.

Carbonnier J. (1986) *Yuridicheskaya sotsiologiya* [Juridical sociology], Moscow: Progress.

Kachanov Yu. L. (1995) *Politicheskaya topologiya: strukturirivanie politicheskoi deistvitel'nosti* [Political topology: structuring of political reality], Moscow: Ad Marginem.

Korneeva A. E. (2005) Formy kapitala v professional'noi deyatel'nosti advokatov [Forms of capital in professional activities of solicitors]. P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova (eds) *Antropologiya professii* [Anthropology of professions], Saratov: Nauchnaya kniga: 163–187.

Maslovskaya E. V. (2012) Problema institutsionalizatsii suda prisyazhnykh v postsovetskoi Rossii [The problem of institutionalization of jury trial in post-Soviet Russia]. V. V. Volkov (ed.) *Kak sud'i prinimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How judges make decisions: empirical studies of law], Moscow: Statut: 177–198.

Maslovskaya E. V. (2014) Sotsiologo-pravovoi analiz dinamiki sovetskikh pravovykh institutov [Socio-legal analysis of the dynamics of Soviet legal institutions]. I. I. Eliseeva (ed.) *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St.-Petersburg sociology today], St.-Petersburg: Nestor-History: 244–268.

Maslovskaya E. V., Maslovskii M. V. (2005a) Sovremennoe prochtenie sotsiologii prava Maksa Vebera [Today's reading of Max Weber's sociology of law]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], (3): 47–58.

Maslovskaya E. V., Maslovskii M. V. (2005b) Sotsiologicheskie teorii prava [Sociological theories of law]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], (1): 5–20.

Furs V. N. (2002) Kontury sovremennoi kriticheskoi teorii [Contours of today's critical theory], Minsk: EGU.

Anleu S. (2000) *Law and social change*, London: Sage.

Bourdieu P. (1987) The Force of law: Toward a sociology of the juridical field. *The Hastings Law Journal*, 38 (4): 814–853.

Bourdieu P., Schultheis F., Pfeuffer A. (2013) With Weber against Weber: In conversation with Pierre Bourdieu. S. Sussen, B. Turner (eds) *The legacy of Pierre Bourdieu: Critical essays*, London: Anthem Press: 111–124.

Cotterrell R. (2001) Durkheim on legal development and social solidarity. R. Cotterrell (ed.) *Sociological perspectives on law, Vol. 1*, Aldershot: Ashgate: 291–302.

Deflem M. (2008) *Sociology of law: Visions of a scholarly tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.

Dezalay Y., Madsen M. (2012) The Force of Law and Lawyers: Pierre Bourdieu and reflexive sociology of law. *The Annual Review of Law and Social Science*, 8: 433–452.

Francis A. (2011) *At the Edge of Law: Emergent and divergent models of legal professionalism*, Farnham: Ashgate.

Garcia Villegas M. (2004) On Pierre Bourdieu's legal thought. *Droit et société*, 1: 57–70.

Luhmann N. (2004) *Law as a Social System*. Oxford: Oxford University Press.

Marshall J. (2004) A shift to a post-structuralist analysis of the legal profession. *International Journal of the Legal Profession*, 11 (1/2): 21–31.

Noreau P., Arnaud A.-J. (1998) The sociology of law in France: Trends and paradigms. *Journal of Law and Society*, 25 (2): 257–283.

Schluchter W. (2003) The sociology of law as an empirical theory of validity. *European Sociological Review*, 19 (5): 537–549.

Sommerlad H. (2007) Researching and theorizing the processes of professional identity formation. *Journal of Law and Society*, 34 (2): 190–217.

Turner S., Factor R. (1994) *Max Weber: The lawyer as social thinker*, London: Routledge.

Wacquant L. (2013) Durkheim and Bourdieu: The common plinth and its cracks. S. Sussen, B. Turner (eds.) *The legacy of Pierre Bourdieu: Critical essays*, London: Anthem Press: 91–110.

Wacquant L. (1998) Pierre Bourdieu. R. Stones (ed.) *Key sociological thinkers*, London: Macmillan: 205–229.